

*А. В. Смолин*¹

**РЕВОЛЮЦИЯ ПРОТИВ КОНТРРЕВОЛЮЦИИ:
СДАЧА ПОЗИЦИЙ. ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЙ ЭТАП
СОВЕТСКО-ФИНЛЯНДСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ В ТАРТУ
(28 ИЮЛЯ — 14 ОКТЯБРЯ 1920 г.)***

В конце июля 1920 г. начался заключительный этап советского-финляндских мирных переговоров. Они проходили в эстонском городе Тарту уже достаточно продолжительное время¹, но после перерыва 28 июля 1920 г. открылось уже седьмое пленарное заседание этих очень длительных по своему характеру переговоров. К этому времени советская делегация уже пополнилась новым представителем, им стал член РВС армии Советской Латвии, а затем 15-й армии, врач по образованию, член РКП(б) Н. С. Тихменёв².

Время начала второго этапа конференции совпало с периодом побед Красной армии против Польши. При открытии заседания с достаточно жёсткой речью выступил председатель советской делегации Я. А. Берзин. Он заявил: «Мира можно достигнуть только в том случае, если финляндская делегация станет на новую точку зрения и откажется от своих требований на территориальные приобретения за счёт Советской России»³.

Развивая мысль об уступках Финляндии, Берзин сказал, что предоставление ей независимости уже являлось шагом навстречу. Он подчеркнул, что Советская Россия предвидела ее невыгодность. «Тружущиеся массы России — по мнению главы советской делегации — исходили при этом из высшего принципа международных отношений.., но мы могли держаться этой политики только в уверенности, что эти временные невыгоды, в конце концов, окупятся большими выгодами для всех народов, когда власть во всех странах будет в руках трудящихся масс»⁴. Однако «левые фразы» не соответствовали реальной действительности. Об этом

---

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-09-00383.

предупреждал Нарком по иностранным делам Г. В. Чичерин, когда говорил: «Некоторые мыслят агитационными формулами, а не конкретными данными»⁵. К сожалению, в это время «агитационные формулы» брали верх в головах ряда ответственных советских руководителей.

В целом, глава российской делегации высказался против территориальных уступок в районе Печенги. Но, вместе с тем, выразил готовность предоставить экономические льготы для финского населения. При этом, останавливаясь на методах ведения переговоров, А. Я. Берзин одновременно упрекнул финнов в том, что они предъявили сначала завышенные требования, а затем понемногу начали их снижать, в то время, как советская делегация сразу предложила минимальные требования. Если же финны будут настаивать на Печенге и Карелии, продолжал Берзин, то Россия выставит требования по Карельскому перешейку и Аландским островам, поскольку данные территории, как известно, административно вошли в состав территорий Великого княжества только после присоединения Финляндии к России. Более того, руководитель советской делегации обвинил Финляндию также во вмешательстве во внутренние дела Восточной Карелии и ведении там агитации за присоединение к Финляндии. Вместе с тем он напомнил, что приходы Ребола и Поросозеро были на практике оккупированы Финляндией⁶.

После твёрдого и эмоционального выступления Я. А. Берзина слово взял глава финляндской делегации на тартуских переговорах Ю. К. Паасикиви. Он отметил, что Финляндия рассчитывала на территориальные уступки, поскольку именно Советская Россия стремится к миру с его страной, указав, что, кому нужен мир, тот и должен идти на уступки. Также по поводу предоставления независимости Финляндии, Паасикиви подчеркнул, что это была не уступка, а выгодное для России решение⁷.

Далее же финляндская делегация просто предложила перейти к работе в экономической комиссии, оставив пока решение проблемы Печенги, обсудив в территориальной комиссии лишь вопрос о разграничении границ в Финском заливе. Причем по наблюдениям советского морского эксперта Е. А. Беренса, после перерыва в переговорах желание финнов к миру явно усилилось⁸. На некоторую уступчивость со стороны финляндской делегации обращал внимание и заместитель главы советской делегации П. М. Керженцев, который это стал связывать с успехами Красной армии на фронте⁹. В целом, советская делегация уже стала тогда верить в предстоящий успех. 30 июля Я. А. Берзин в докладной записке, адресованной Г. В. Чичерину, писал: «Общая ситуация такова, что мир можно заключить очень скоро, если мы проявим хотя бы минимальную уступчивость»¹⁰. Отвечая на это предложение 2 августа, Чичерин рекомендовал Берзину пойти на уступки¹¹.

Тем временем 29 июля и 4 августа на заседаниях в территориальной комиссии проходило детальное обсуждение финского и российского проектов по разграничению в Финском заливе¹². Причем, большой судходный фарватер, свободный для международного плавания, планировалось проложить вне финских территориальных вод. Территориальные воды вокруг финских островов предлагалось ограничить тремя милями. Финны соглашались не возводить укрепления на островах Сескар и Лавенсари, не держать там артиллерии, снести форты Ино и Пумало на побережье Финского залива и далее здесь не возводить долговременных укреплений. Далее обоим государствам предлагалось не строить на берегах Ладожского озера военные укрепления служащих и не содержать здесь военные корабли. Договаривающимся сторонам предлагалось разрешить плавание по Неве из Ладожского озера в Финский залив и обратно. Более того вообще предполагалась нейтрализация Финского залива¹³.

После оглашения проекта началась дискуссия. Российские представители обратили внимание на то, что, в случае подписания договора финские территориальные воды будут расположены всего в 1,5 милях от кронштадтских фортов, что считалось недопустимым. Возражение вызвало и предложение о нейтрализации островов Сескар и Лавенсари. Если такую же операцию не произвести с другими островами, то Финский залив, таким образом, по мнению российских экспертов, запирался. Причем, отвечая на претензии русской делегации, влиятельный представитель финляндской делегации, депутат парламента Ю. Х. Веннола заявил, что финны учитывают оборону Петрограда. Однако советские не принимают интересов Финляндии. Касаясь проблемы территориальных вод, он сказал, что при установлении их границ учитывался опыт скандинавских стран¹⁴.

В ходе состоявшейся дискуссии советские морские эксперты в целом признали финский проект приемлемым. И хотя в нём размер финских территориальных вод был больше, чем предусматривали советские предложения, но это не имело существенного значения, так как свободная часть залива, являлась пригодной для навигации. Поэтому последовало заявление, что в общих чертах принимается финский проект. Согласие российской делегации на размер финских территориальных вод привело к тому, что председатель финской делегации довёл до сведения советских коллег, что есть все основания заключить перемирие¹⁵.

Таким образом, умение отличить главное от второстепенного позволило советской делегации сдвинуть переговоры от перемирия с мёртвой точки. При этом, судя по всему, в Москве продолжала сохраняться обеспокоенность, связанная с возможностью наступления финнов. Это опасение было следствием того, что большая часть информации совет-

192

ских экспертов черпалась из иностранной прессы, где уже сообщалось, что в июне 1920 г. британский флот подходил к Аландским островам, а У. Черчилль призывает Германию к единому антибольшевистскому походу. В самой же Финляндии тоже фиксировались силы, которые выступали против мира с Советской Россией¹⁶. Вся эта информация, безусловно, держала советское руководство в определенном напряжении.

Более того, успешное вначале наступление Красной армии на территории Польши привело к тому, что 4 августа Британия предъявила трёхдневный ультиматум Советской России, чтобы она приостановила это наступление, угрожая направлением к берегам России ее флота и возобновлением экономической блокады¹⁷.

Удачные действия советских войск в Польше породили также определённые страхи у правительств соседних с Россией стран. В результате, в Риге с 6 августа по 6 сентября, одновременно с переговорами в Тарту, проходила конференция Балтийских государств¹⁸. Её цель заключалась в стремлении к объединению их в военной, экономической и культурной областях, а также в заключении оборонительного союза, который был бы направлен против России¹⁹. Ни к каким значительным результатам эта инициатива, как известно, не привела. Но учитывая складывающуюся ситуацию, 5 августа Г. В. Чичерин в телеграмме Я. А. Берзину потребовал, без дальнейшего промедления, но и без лишней торопливости, подписать перемирие²⁰.

Тем временем, 7 августа английский флот, действительно, прибыл в Хельсинки²¹. Этим Лондон выразил демонстративную поддержку Финляндии. Вполне вероятно, что с прибытием английской эскадры на переговорах изменилось и настроение финской делегации. В результате, когда 7 августа дело подошло к подписанию перемирия, финны неожиданно поставили вопрос об освобождении арестованных по политическим обвинениям в России соотечественников и потребовали включить этот пункт в договор о перемирии. Чтобы не затягивать переговоры, Я. А. Берзин тогда просто предложил создать правовую комиссию²².

Поскольку Англия никаких агрессивных шагов против Советской России не предприняла, то в этих условиях, ничего другого, как пойти на заключение перемирия, Финляндия сделать и не могла. 13 августа 1920 г. состоялось его подписание²³. Подписанию перемирия способствовал также отказ советской делегации от предложения, согласно которому, на время перемирия не допускалось пребывание в портах, гаванях и прибрежных водах договаривающихся сторон вооружённых морских и воздушных судов, имеющих враждебные намерения по отношению к участникам перемирия. Стороны также согласились оставить войска на занимаемых позициях. Устанавливалась еще и на участке к северу

от параллели Линдоозеро и до норвежской границы нейтральная зона. Занятые финскими войсками Ребольская и Поросозерская волости оставались за Финляндией. Печенга по-прежнему входила в состав России. Вместе с тем договор не рассматривал демаркационную линию в качестве будущей границы между Россией и Финляндией. Перемирие заключалось на 31 день, могло автоматически продлеваться, выйти из него можно было, предупредив другую сторону за 10 дней²⁴.

После перерыва наметились положительные тенденции в области решения экономических вопросов. Так, 30 июля делегации согласились отказаться от взаимных экономических и финансовых претензий. Но, вместе с тем, и советская, и финляндская делегации пожелали внести некоторые исключения²⁵. Кроме того советская сторона считала необходимым поставить еще вопрос о возвращении части русских судов, а также подвижного железнодорожного состава. В результате дискуссии решили составить списки исключений, а затем продолжать работу²⁶.

31 июля П. М. Керженцев, однако, заявил, что, по подсчётам советской делегации, только русское военно-морское имущество оценивалось в 4 млрд финских марок (в стоимости марки в то время)²⁷. Более того, по мнению советской делегации, имущество, переходящее к Финляндии, на 1,5 млрд марок больше, чем финские претензии к России, поскольку финляндская делегация оценила претензии к России в размере 2–2,5 млрд марок. Несмотря на эти разногласия, как он, тем не менее, подчеркнул, Советская Россия готова сохранить статус-кво, хотя это ей и не выгодно²⁸.

В конце концов стороны пришли к соглашению проводить дискуссии только по исключениям из статус-кво²⁹ и решили создать подкомиссию³⁰ для выяснения взаимных претензий. Хотя это само, конечно, затягивало переговоры³¹. Причем задержка вызвалась большими трудностями при оценке имущества и выработала новый проект по статус-кво.

После этого началось обсуждение вопроса о взаимном возвращении судов. Советская делегация сначала потребовала передачи всех судов, затем согласилась на часть. Однако она отвергла и финский список, который, по её мнению, не соответствовал действительности³².

Не придя к какому либо согласию, переговорщики решили перейти к вопросу о гражданском имуществе России в Финляндии³³. Разгорелась также дискуссия о выгодах торговых отношений между двумя государствами. Ю. К. Паасикиви утверждал, что если финская промышленность уходит с западных рынков, то ей необходимы выгоды на советском рынке. К таким предпочтениям он относил беспшлинный ввоз финских товаров в Россию. Он также считал, что транзит выгоден России и не даёт ничего Финляндии, так как через Россию ввозить нечего. Поэтому Фин-

ляндии важно закрепиться на советском рынке на долгий срок и иметь значительные выгоды³⁴.

Отвечая Ю. К. Паасикиви, П. М. Керженцев предложил также не облагать пошлинами советские товары, ввозимые в Финляндию, и включить в соглашение пункт о свободном плавании в шхерах, поскольку такое право получили торговые суда на Ладоге и Неве. При этом он добавил, что если Финляндия не согласится с последним требованием, то тогда Россия будет против прохождения финских судов по Ладоге в Неву и обратно. По предложению Паасикиви эти вопросы тоже передали в подкомиссию³⁵.

Происходившее на переговорах в Тарту, и вокруг них, нельзя рассматривать обособленно от событий на Польском фронте. Успешное наступление войск Красной армии в Польше летом сменилось крупным поражением. 16 августа 1920 г. началось польское контрнаступление. Его результатом стало отступление и разгром частей Красной армии³⁶. Неудачи на Польском фронте, а также ожесточённые бои с войсками генерала Врангеля в Северной Таврии поставили перед советским руководством задачу по скорейшему заключению мира с Польшей. Тем более, что 19 августа Политбюро ЦК РКП(б) признало Крымский фронт главным³⁷.

Несомненно, что ухудшившееся положение на Польском фронте отразилось и на советско-финских переговорах, ужесточив позицию финляндской делегации и ослабив позиции советских представителей. Катастрофа под Варшавой оказала сильное психологическое воздействие и на членов советской делегации и особенно на её главу — Я. А. Берзина.

Теперь необходимо ответить на вопрос, когда советская делегация и в связи с чем, пошла на территориальные уступки, в частности в отношении района Печенги. Руководитель советской делегации Я. А. Берзин в письме Г. В. Чичерину от 6 августа писал о том, что «Вопроса о Печенге, после перерыва, мы ещё серьёзно не касались»³⁸. Об этом же сообщал и Е. А. Беренс: «Мы в вопросе о Печенге не сделали никаких уступок»³⁹. В стенограмме заседания территориальной комиссии 30 августа П. М. Керженцев тоже говорил, что «наше первоначальное предложение, которое мы высказали в вопросе об уступке Печенгской области, мы сделали 2 ½ недели назад»⁴⁰. Следовательно, сдача советских позиций могла произойти только не раньше 12–13 августа⁴¹.

Это подтверждает и докладная записка Г. В. Чичерину, написанная 13 августа П. М. Керженцев. В ней указывалось, что в территориальной подкомиссии советская делегация предложила финнам дать проход к Северному Ледовитому океану, в виде коридора, который останется под суверенитетом Советской России, но по которому финские граждане могли передвигаться без паспортных ограничений, где они получают пра-

во на концессии на железную дорогу, земельные участки в долгосрочную аренду, для постройки гаваней и складов. В этой записке обращает на себя внимание следующая фраза: «В общем, они [финны. — А. С.] твёрдо уверены, что мы им в той или иной форме сделаем уступки в области Печенги, и что мир будет заключён в ближайшем будущем»⁴².

Следовательно, с определённой долей уверенности можно утверждать, что 13 августа советская делегация официально сделала предложение об уступках в районе Печенги, которые впоследствии приобретали всё большие и большие размеры.

Судя по всему, Г. В. Чичерин не являлся безусловным сторонником передачи Печенги финнам. Зная, что морское и военное командование передачу Печенги обуславливает соответствующими уступками со стороны Финляндии, он направил предложения о морской границе с Финляндией на отзыв начальнику полевого штаба РВСР П. П. Лебедеву. Предположение Чичерина в РВСР подтвердились⁴³ и ответ П. П. Лебедева, в виде служебной записки, Г. В. Чичерин направил уже Я. А. Берзину⁴⁴. В результате, чтобы выяснить ситуацию, Я. А. Берзин вынужден был выехать в Москву.

21 августа встретился с В. И. Лениным. Их беседа продолжалась 1ч. 45 мин.⁴⁵ Здесь следует обратить внимание на то, что для продвижения своей точки зрения на переговорах Берзин использовал свои давние, тесные партийные связи с главой государства. О чём на ней шла речь, мы вряд ли узнаем. В этот же день Г. В. Чичерин пишет докладную записку В. И. Ленину о необходимости быстрее заключения мира с Финляндией. Можно предположить, что она появилась под влиянием этой встречи⁴⁶. Исходя из этой записки, можно предположить, что опасность войны с Финляндией у советского руководства по-прежнему оставалась. Однако, выступая за заключение мирного договора, нарком ничего не сказал о передаче Печенги Финляндии.

Пока Я. А. Берзин находился в Москве, 19 и 20 августа начались переговоры в территориальной комиссии между П. М. Керженцевым и Ю. Х. Веннолой, о чём он сообщал в отчёте Г. В. Чичерину. В ходе состоявшихся бесед Керженцев заявил своему собеседнику, что ведёт их по собственной инициативе и ещё не знает, как к этому отнесётся правительство⁴⁷. По всей вероятности, вопрос об уступках Керженцев обговорил с уехавшим в Москву Я. А. Берзиным. Поскольку в отчёте есть оговорка, что Берзин считал необходимым пойти на эту уступку⁴⁸.

Начавшиеся беседы между Ю. Х. Веннолой и П. М. Керженцевым, прежде всего, затрагивали территориальные вопросы. По первоначальному проекту, который предложил советский представитель, к Финляндии переходили только губа Печенга и Амбарная. Однако это не удов-

летворило финнов, поскольку не давало им удобного побережья для судоходства. В связи с этим «я счёл возможным — писал Керженцев — условно согласиться на некоторую часть Рыбачьего полуострова, кончив границу на втором перешейке с тем, чтобы губа Большая Волоковая была разделена пополам: северное побережье — наше, а южная часть губы — финская»⁴⁹. Однако на этом уступки не ограничились. Впадая в явное преувеличение, и находясь под влиянием заявлений Веннолы, Керженцев, считал, что, пойдя на уступки, можно заключить соглашение в ближайшее время⁵⁰. Это, в свою очередь, противоречило его же собственным соображениям, высказанным в письме Чичерину от 13 августа, о том, что если сейчас предложить финнам территориальные уступки, то это не ускорит дело⁵¹.

Теперь, собственно, важно рассмотреть границы этих уступок. Южная часть границы в области Печенги шла от озера Яуриярви на Лангозеро, далее на восток до Иоанас, затем на озеро Гоарес по Печенге к Холозеро и дальше по прямой на губу Малый Волок, а отсюда уже на перешеек к губе Большой Волок, а затем на губу Бухвайно. На юге граница проходила по реке Луттойоки, на севере она должна была кончаться у бухты Большая Валковая, при этом губа делилась пополам между Россией и Финляндией. В ходе обсуждения, Керженцев, под влиянием финских аргументов, пошёл на некоторые отступления от первоначального проекта проведения границы⁵². Объясняя свои действия, он писал: «Наконец, уступка Печенги будет сделана в меньших пределах, чем это было при красном правительстве, и таким образом у нас, с одной стороны, будет козырь, так как мы уступили свою землю, чтобы дать проход к океану соседнему народу, а с другой стороны, у врагов финского правительства останется довод, что красные получили в своё время гораздо лучшую границу и без такой длительной борьбы, и без такой дорогой платы»⁵³. Правда, тут же Керженцев говорил о компенсациях со стороны финнов. По его мнению, финнам предстояло вывести войска из приходов Поросозеро и Репола, передать России острова Сескар и Лавенсари, а остальные нейтрализовать, предоставить гарантии на Карельском перешейке, передать России Суоярвское лесничество, установить дипломатическое представительство, урегулировать вопрос с передачей судов и ряд других пероблем⁵⁴. Вместе с тем, в этом же отчёте он ставил под сомнение возможность компенсаций со стороны Финляндии на Карельском перешейке, а также островов в Финском заливе за Печенгу⁵⁵. Далее он писал: «Если нам нужно скорейшее заключение мира, то я полагаю, что следует пойти на намеченные мною полуофициальные уступки»⁵⁶.

19 августа на заседании территориальной комиссии финская делегация внесла предложения по территориальному вопросу. Выступивший

финляндский представитель Ю. Х. Веннола акцентировал внимание на тех больших уступках, на которые пошла Финляндия в надежде, что со стороны советской делегации по другим территориальным вопросам будут сделаны подобные шаги. Не решёнными остались вопросы о нейтрализации острова Гогланд и о запрете захода в порты судов враждебных держав⁵⁷.

Советской России предлагалось признать право Финляндии на Печенгу в пределах уступок, сделанных красным финнам в 1918 г., а также провести всеобщее голосование в Поросозерской и Репольской волостях на предмет вхождения в Финляндию или в Россию. Финскому населению Карелии следовало предоставить право образовать автономную область. Из своих территориальных вод в Финском заливе Финляндия уступала 146 кв. км у островов Большой Тютерс и Родшер для общего фарватера и 156 кв. км у островов Сескар и Лавенсари для пользования в качестве фарватера. К востоку от Стирсудена она ограничивала свои территориальные воды в 1,5 мили. При этом русские территориальные воды проходили с южной стороны островов Сескар и Лавенсари. Финляндия также соглашалась на нейтрализацию всех островов в установленном фарватере и открытых водах Финского залива или с граничащими водами. Она обязывалась не возводить долговременных укреплений и не устанавливать батарей между Стирсуденом и государственной границей, и обещала снести форты Ино и Пумало, а также установить статус-кво по экономическим вопросам. Финляндия выражала готовность урегулировать торговые отношения с Советской Россией на выгодных для неё условиях⁵⁸.

Отзыв военно-морского командования на финские предложения, направленный Чичерину, последовал 24 августа и был категоричен: «Морское командование пришло к заключению, что от всех уступок военно-морского характера можно отказаться, оставив за Россией Печенгу, т[ак] [как] все уступки не обеспечивают Балтийскому флоту достаточно благоприятных условий для его существования и развития и для выполнения возложенных на него задач»⁵⁹.

Несмотря на столь бескомпромиссное заявление морского командования, Г. В. Чичерин согласился с проектом уступок, предлагаемых П. М. Керженцевым, считая их пределом, за который идти нельзя⁶⁰. Однако, как представляется, реально нарком пошёл на линию Керженцева только после разговора Я. А. Берзина с В. И. Лениным 21 августа. В отчёте Керженцева от 23 августа об уступках речь шла, как об уже утверждённых наркомом⁶¹. Вместе с тем, в указаниях Я. А. Берзину, отправленных 26 августа, Г. В. Чичерин потребовал финских гарантий по Печенге, и не только на бумаге. Нарком считал, что необходимо обговорить создание русских постов для защиты путей, по которым будут следовать грузы

и люди. Наряду с этим он напоминал, что «ни в коем случае не следует» выходить за линию Керженцева.

В указаниях Берзину передавалось также и мнение главкома о невозможности проведения плебисцита в Поросозере и Реболах. В противном случае граница Финляндии приближалась на опасно близкое расстояние к Мурманской железной дороге. Возражал С. С. Каменев и против вывода частей Красной армии из Карельской трудовой коммуны, поскольку по её территории и проходила Мурманская железная дорога, и оставить этот стратегически важный район без войск не представлялось возможным. Он также потребовал стратегических гарантий при уступке Печенги. Они сводились к запрету строительства военных сооружений и складов, а также воздушных и морских баз, на содержание в районе военного флота и войск, кроме полицейских сил⁶².

Не успели советские представители довести до финнов предложения по уступке Печенги, как обстановка на переговорах стала меняться. Красная армия в Польше начала отступать, и финляндская делегация сразу ужесточила свою позицию и стала отказываться от достигнутых ранее договорённостей. В самой Финляндии печать начала агитацию против мира с Советской Россией⁶³.

На изменившуюся ситуацию сразу обратил внимание и А. Я. Берзин, справедливо связав её с неудачами на польском фронте. Однако он не оставлял надежд на воздействие социал-демократов на общественное мнение Финляндии. В данном случае он не видел или не хотел видеть, что в вопросе об удовлетворении территориальных приобретений за счёт Советской России, все партии Финляндии выступали единым фронтом. И здесь же он заявлял: «Стоим за твёрдый курс с Финляндией, <...> но на финский шантаж не поддадимся»⁶⁴.

30 августа состоялось очередное заседание территориальной комиссии⁶⁵. Выступая здесь, П. М. Керженцев довёл до слушателей историю поэтапных уступок со стороны Советской России в области Печенги. В начале переговоров советская делегация предложила экономические уступки для свободного выхода к Ледовитому океану. Однако этот вариант не устроил финляндскую делегацию. Тогда «Согласно инструкциям, полученным нами от центрального правительства», — пошли на дальнейшие уступки, а именно передачу части территории Советской Республики в суверенное владение Финляндии⁶⁶. По этому проекту предполагалось уступить Печенгскую и Амбарную губы, но и это не устроило Финляндию. Тогда советская делегация согласилась уступить Малую Волоковую губу целиком, и далее, огибая полуостров Средний, с тем, чтобы разделить Большую Волоковую губу пополам. Таким образом, к Советской России отходила северная часть губы с северным побережьем,

а к Финляндии — южная часть с южным побережьем. От Рыбачьего полуострова граница шла так, что к Финляндии отходил весь бассейн реки Печенга. По словам Керженцева: «Эта северная граница уступаемой области является максимальной, на которую мы можем пойти и далее которой ни малейших уступок мы сделать не можем»⁶⁷. Разногласия возникли по реке Лоттойоки, которую Финляндия требовала в своё владение, вместе с притоками и озёрами. Причем, если верить утверждению Керженцева, российская делегация вообще здесь предстаёт в качестве просителя мира и, естественно, что финские делегаты обращались с ней именно так.

За передачу Печенги в качестве компенсации П. М. Керженцев потребовал права свободного транзита через Норвегию, а также провоза грузов и людей без таможенного и паспортного контроля. При этом сам транзит должен был сопровождаться русской вооружённой охраной⁶⁸. Помимо этого предлагалось исправление границы на Карельском перешейке, передача России островов, ближайших к её побережью, а остальные финляндские острова подлежали нейтрализации. Также ставился вопрос о возвращении в Карельскую Трудовую Коммуну «насильственно присоединённых к Финляндии» приходов Поросозеро и Репола⁶⁹.

В ответном слове Ю. Х. Веннола заявил, что Россия уступает «незначительную территорию» и требует за неё чрезвычайную цену, с чем Финляндия не может согласиться. Он настаивал на плебисците в Восточной Карелии, на что не могла уже согласиться Советская Россия, выступая против плебисцита в двух волостях, которые добровольно присоединились к Финляндии и два года находились под её управлением. Веннола не согласился также с тем, что Россия сократила на треть требования Финляндии по Печенге, что не давало ей возможность создать там одно целое экономическое пространство. Он, выражая мнение финляндской делегации, наотрез отказался уступить острова Лавенсари и Сескар, поскольку там проживало финское население⁷⁰. Веннола вообще заявил, что на выдвинутых Советской Россией условиях Финляндия мира заключить не сможет. Разгорелись дебаты, которые реально не могли привести к достижению компромиссного решения⁷¹, поскольку было очевидно, что отдача чисто русских областей другому государству, с финской точки зрения, считалась явлением вполне правомерным.

В результате, закрывая заседание, Керженцев заявил, «мы не сомневаемся, что <...> программа заключения мира <...> привлечёт на свою сторону все элементы финского народа, которые действительно хотят скорейшего заключения мира с Советской Россией»⁷². Таким образом, советская дипломатия в очередной раз попыталась использовать трибуну переговоров для агитации среди финской общественности. Заметим, что этот стиль, опробованный наркомом иностранных дел Л. Д. Троцким

на переговорах в Брест-Литовске в 1918 г., не дал результатов, но использоваться продолжал.

Ужесточение позиции финской делегации привели Я. А. Берзина в состояние определённой растерянности. Об этом говорит его телеграмма Г. В. Чичерину от 31 августа. В ней он сообщал об отказе финнов идти на какие-либо территориальные компенсации за Печенгу. В связи с этим Берзин запрашивал наркома о тактике дальнейших действий. Немедленного заключения мира, по его мнению, можно было достичь только путём дальнейших крупных уступок. В сложившейся ситуации он предлагал два варианта действий: затягивание переговоров или предъявление ультиматума с возможным перерывом переговоров. В этом случае Берзин считал необходимым отказаться от компенсации за Печенгу, но зато настаивать на своём варианте границы в Печенге и возвращении Поросозера и Ребол без плебисцита. Он полагал, что предъявление ультиматума с перерывом переговоров являлось наиболее рациональным⁷³.

В этот же день Г. В. Чичерин направил две телеграммы главе советской делегации. По своему тону они не допускали никаких возражений⁷⁴. Нарком потребовал довести до сведения финнов, что в случае перерыва переговоров, советская сторона не будет связана обещанием об уступке Печенги⁷⁵.

Похоже, что жёсткая позиция советской делегации дала определённые результаты. 2, 3, и 4 сентября, по инициативе финской стороны, состоялся ряд неофициальных встреч П. М. Керженцева с Ю. Х. Венолой и В. А. Таннером⁷⁶. Причем после второй встречи П. М. Керженцева с В. А. Таннером 4 сентября Я. А. Берзин написал Чичерину о согласии последнего попытаться провести программу, включающую в себя последние уступки по территориальному вопросу⁷⁷. Вечером того же дня на территориальной подкомиссии Керженцев, по совету Таннера, огласил советские условия в ультимативной форме. Вот как этот эпизод впоследствии описал Таннер: «Это были довольно комичные переговоры, потому что трое мужчин (Паасикиви, Войонмаа и я) знали заранее условия русских и изображали непримиримость только для того, чтобы поддержать мои контакты с русскими. Трое других (Кивилинна, Вальден и Веннола), напротив, были нестибаемы в их общей позиции и хотели отложить необходимые уступки до следующего раза»⁷⁸. После этой встречи часть финской делегации выехала в Гельсингфорс для совещания с правительством.

Учитывая складывающуюся обстановку, Г. В. Чичерин стал склоняться не настаивать на передаче Советской России островов в Финском заливе, при условии их полной нейтрализации и гарантии в неиспользовании в военном отношении. Он также высказался за отказ на Карельском перешейке от дачного округа, но при этом потребовал, чтобы соб-

ственность советских граждан считалась собственностью российского государства, а в Райволо (Роцино) предположить организовать колонию для рабочих. При этом суверенность Финляндии на эту территорию, естественно, сохранялась. В экономическом отношении Чичерин настаивал на передаче Суоярвского лесничества России. В остальном позиция наркома оставалась непреклонной⁷⁹. Более того, Чичерин в ультимативной форме настаивал на осуществлении линии Керженцева по «печенговскому вопросу» и требовал не делать никаких уступок на полуострове Рыбачий. Он предлагал даже заявить финнам, что в случае перерыва переговоров сделанные уступки вообще будут аннулированы, и они Печенги не получат⁸⁰. В результате, как можно заметить, Чичерин видел выход в твердом удержании Печенги. В связи с этим он требовал не отступать от линии Керженцева, против которой выступали финны. Но это понимал и Я. А. Берзин всячески блокируя идею перерыва в ходе дальнейших переговоров.

Между тем территориальные вопросы продолжали находиться в центре обсуждений. Помимо проблем с Печенгой перед советской дипломатией стоял не менее острый вопрос о Восточной Карелии. На эту территорию Финляндия продолжала претендовать, всячески раздувая там сепаратистские настроения. Советская Россия со своей стороны образовала здесь Карельскую Трудовую Коммуну, предоставив карелам право на самоопределение. Однако ВСНХ решил тогда соединить хозяйственные органы Олонецкой губернии и Карельской Трудовой Коммуны. В данном случае последняя превращала Коммуну в фикцию. В связи с этим Г. В. Чичерин обратился с запиской в Политбюро о необходимости дать Карельской Трудовой Коммуне полную организационную и экономическую независимость. Предполагалось, что эта мера выбьет из рук Финляндии требование о плебисците⁸¹.

Уже 6 сентября Политбюро рассмотрело предложение НКВД о предоставлении Карельской Трудовой Коммуне самостоятельности в хозяйственном отношении. Выполняя постановление Политбюро, СНК 13 сентября принял постановление о гарантии экономической самостоятельности Карельской Трудовой Коммуны. Более того, 20 сентября ВЦИК обратился с воззванием к Карельскому народу и подтвердил его право на самоуправление⁸². Как отмечает современный историк «карельского вопроса» Ю. М. Килин, это воззвание представляло собой дипломатический манёвр с советской стороны, чтобы «оторвать» Карелию от Финляндии, и практического эффекта не имело, так как экономической самостоятельности коммуна не получила⁸³.

Переговоры в Тарту возобновились после возвращения членов финской делегации в Эстонию. 8 сентября Берзин сообщал Чичерину о ре-

зультатах очередной встречи с Ю. Х. Веннолой. В целом, стороны приняли русский проект границы в Печенге (за исключением южной части) и согласились на передачу Суоярвского лесничества Советской России⁸⁴. Также не вызвал возражений пункт о нейтрализации Гогланда. Глава советской делегации отметил, что после ультиматума, предъявленного финской делегации 30 августа, переговоры вновь активизировались, однако дискуссии продолжались.

Вскоре оптимистическое настроение Я. А. Берзина сменилось на противоположное. В докладной записке от 13 сентября он с прискорбием отмечал: «Переговоры затягиваются. Теперь даже кажется, что нам придётся здесь, пожалуй, зимовать»⁸⁵. Его удручало то, что «из-за всякой запятой финны ещё будут торговаться» и постоянно согласовывать свои действия с правительством в Хельсинки⁸⁶. Это и понятно. Финская делегация состояла из представителей различных партий парламента. В связи с этим много времени уходило на согласование различных интересов. На Берзине, как на революционере, сказывалась непривычка к рутинной, а порой и нудной дипломатической работе. К тому же советские дипломаты, в это время, не совсем понимали, как должна социалистическая дипломатия относиться к международному буржуазному праву, когда речь зашла о применении постановления Гаагской конвенции 1907 г., о соблюдении правил нейтральными странами в случае морской или сухопутной войны. В связи с этим Берзин спрашивал Чичерина 13 сентября: «Меня интересует только вопрос, считаете ли Вы приемлемым включение в мирный договор Советской России подобной ссылки на трактат буржуазного международного права»⁸⁷.

После того, как советская делегация предложила уступить финнам Печенгу, разногласия возникли по вопросу о контроле за провозимыми через неё грузами. Финны требовали контроля, советская делегация выступала против него. Берзин считал, что нужен проход без контроля «на всякий случай, хотя бы для переправы нелегальной литературы», и здесь в нём говорил голос секретаря Коминтерна и приверженца разжигания мировой революции⁸⁸.

После уступок в области Печенги аппетиты финнов стали увеличиваться. Теперь они стали претендовать на всё побережье полуострова Рыбачий и даже на северное побережье Кольского полуострова. Однако такие уступки Берзин считал невозможными. Финны также хотели возводить батареи на суше, чтобы иметь возможность стрелять в пределах территориальных вод. Они также отказались отдавать Суоярвское лесничество, хотя в ходе переговоров в устной форме соглашались это сделать. Оценивая деятельность финских делегатов, Берзин писал, что они действуют, как мелкие жулики — то дают обещания, то от них отказыва-

ются. При этом «главным и самым ловким жуликом» он называл социал-демократа В. А. Таннера⁸⁹.

К трудно разрешимым вопросам относилась и проблема о нейтральном статусе Финляндии. Советская Россия настаивала на том, чтобы в случае её войны с третьей державой финны не предоставляли права базироваться в своих территориальных водах кораблям враждебной страны. Финны от такой постановки вопроса отказывались, ссылаясь на то, что будут действовать в соответствии с нормами международного права.

Помимо перечисленных в докладной записке проблем, оставался ещё ряд второстепенных, по которым, по мнению Берзина, уступать было неприлично. В связи с этим он предлагал два варианта действий. К первому он относил продолжение спора по незначительным вопросам, тем самым затягивая переговоры до бесконечности. Второй предполагал предъявление ультиматума по главным темам переговоров и в случае отказа финнов взять предложение об уступке Печенги обратно. Однако, какой из этих вариантов выбрать, он предлагал решать в Москве. В связи с этим он просил исчерпывающего ответа⁹⁰. Таким образом переговоры стали приобретать вяло текущий характер.

18 сентября на заседании смешанной комиссии финны дали ответ на предложение о нейтрализации Печенгского района. Дело заключалось в том, что во время пребывания П. М. Керженцева в Москве, он 14 сентября встретился с председателем Реввоенсовета Э. М. Склянским, а также командующим Морскими Силами Советской России А. В. Немитцем и начальником Полевого Штаба и Штаба РККА П. П. Лебедевым. Во время консультаций обсуждались финские гарантии по Печенге. Собеседники Керженцева высказались за то, чтобы разрешить финнам сооружать лёгкие трёхдюймовые батареи, не имеющие возможности обстрела русской части полуострова Рыбачий и Мотовского залива. В то же время, им запрещалось размещать здесь подводные лодки. Вместе с тем, финнам разрешалось иметь не более 200 моряков для обслуживания судов. Нейтрализация Печенги возлагалась на смешанную комиссию. Оговаривалось также право российских самолётов летать в Норвегию через Печенгу и высказывалось требование о нейтрализации и острова Гогланд в Финском заливе⁹¹.

Эти предложения П. М. Керженцев и донес до финской делегации. С некоторыми оговорками финны согласились на выставленные условия, за исключением вопроса о батареях. Они утверждали, что не смогут пуститься в конкуренцию с Советской Россией в вопросе вооружений, но согласиться на такое ограничение не представляется возможным, ввиду его унижительность⁹². По вопросу о Гогланде финская делегация сообщила, что всё ещё ждёт указаний правительства.

Некоторое замедление на ходе переговоров могло оказать заявление, сделанное финской делегацией 23 сентября 1920 г., о желании её страны стать членом Лиги Наций. В связи с этим содержание предстоящего мирного договора, по мнению финнов, не должно противоречить обязанностям страны перед этой организацией⁹³. Однако это не сказалось на ходе переговоров, и они продолжились.

Не менее твёрдо отстаивали финны и свои экономические интересы. В результате советская делегация пошла на уступки, предоставив Финляндии беспошлинный ввоз товаров, в то время, как российские товары облагались пошлинами. За финнами осталось также и Суоярвское лесничество, на которое претендовала Советская Россия⁹⁴.

Ограниченные полномочия финской делегации сильно тормозили работу мирной конференции. Активная работа в подкомиссиях по редакции статей договора требовала постоянных консультаций с Хельсинки, а после чего, определённое время уходило на ожидание ответа. После обнародования информации о скорой передаче Реболы и Поросозера России, в самой Финляндии развернулась широкая националистическая кампания против такого решения⁹⁵.

Пытаясь разрешить наметившиеся на конференции проблемы, финская делегация отправила в Хельсинки свои предложения об урегулировании спорных вопросов, возникших во время работы конференции⁹⁶. 25 сентября она получила ответ, в котором большую часть этих предложений правительство отклонило. На запрос, может ли делегация следовать программе-минимум, из Хельсинки пришёл ответ, что по этому вопросу необходим приезд части делегации во главе с Ю. К. Паасикиви. Это вызвало протест со стороны финских представителей. При этом сам Паасикиви пригрозил отставкой в случае, если делегация не получит широких полномочий⁹⁷. В результате правительство пошло на уступки, предоставив делегации свободу в принятии решений по всем вопросам, кроме нейтрализации Гогланда.

Где-то в двадцатых числах сентября произошло два важных совещания с участием Я. А. Берзина, П. М. Керженцева, Ю. К. Паасикиви и Ю. А. Веннолы. На них обсуждались все спорные пункты будущего договора. В результате финны потребовали передать им территорию от перешейка между полуостровами Средний и Рыбачий на мыс Кекур (Немецкий), а также соглашались на нейтрализацию острова Гогланд в Финском заливе под международным контролем и освобождения финских товаров от пошлин на шесть лет. По итогам этих переговоров 30 сентября Я. А. Берзин в телеграмме Г. В. Чичерину предлагал пойти навстречу финнам по первым двум пунктам, а по последнему поторговаться. Свою позицию он аргументировал неудачами Красной армии на фронте,

крайними уступками Польше на Рижских переговорах, обострением отношений с Англией, «отчаянной агитацией против мира финской печати», и открытием заседаний парламента, что, по его мнению, могло усилить агитацию против мира. В качестве дополнительного аргумента он ссылался на то, что в 1918 г. красным финнам делали уступки большие, чем сейчас требовали финны. Берзин писал о том, что финны выдвигают всё новые и новые требования, затягивают переговоры и даже готовы прервать переговоры. В связи с этим он считал, что необходимо уступить, и тогда договор будет подписан в течение 8–10 дней⁹⁸.

Мотивы, которыми Я. А. Берзин обосновывал новые уступки в Печенге, представляются мало убедительными. Ссылаться при этом на польский случай, по принципу «ну, мы же там уступили, а почему бы не уступить здесь», не выдерживает критики. Однако здесь сказывалось и психологическое воздействие варшавской катастрофы. В Польше Красная армия потерпела поражение и В. И. Ленин больше всего боялся «зимней кампании», которая могла привести к внутреннему взрыву. Здесь этого не было и в помине. Агитация в финской печати, а возможно и при открытии парламента, среди депутатов стоила не многого. По этому поводу 9 сентября Е. А. Беренс в письме Э. М. Склянскому говорил: «вой же и угрозы белой финской прессы средство дешёвое, ничего не стоящее и от слов к делу дистанция огромная»⁹⁹. Тезис о том, что красным финнам уступили больше чем теперь, белым к серьёзной аргументации также отнести нельзя. А вот тем, что получая мыс Кекур (Немецкий) и Вайду-губу, финны укрепляли своё стратегическое положение на Мурмане, Берзин обошёл молчанием.

Однако на Я. А. Берзина давление финской печати и твёрдая позиция финской делегации, похоже, оказали сильное психологическое воздействие. Нельзя сбрасывать со счёта и то, что Берзин находился под влиянием «опыта Бреста», согласно которого следовало стоять до ультиматума, а потом уступить. Однако никакой угрозы военного наступления финнов не предвиделось, да и Красная армия отличалась в лучшую сторону от русской армии 1917 г. К тому же мы не знаем, какие договорённости имелись между Лениным и Берзиным на встрече 21 августа. Но то, что «дух» Бреста витал над советской делегацией, не укрылось от зоркого глаза Е. А. Беренса. В письме Э. М. Склянскому 9 сентября он, в частности, говорил: «Я ещё понимал бы, если бы белая Финляндия была настолько сильна, что могла бы нам угрожать сейчас и нам надо было бы от неё откупиться, хотя бы временно, как мы это сделали в своё время в Бресте, но этого по всем признакам нет, финляндское правительство слишком осторожно, чтобы самому зажечь у себя в доме пожар»¹⁰⁰. Всё это вместе взятое привело к тому, что нервы у главы делегации сдали, и он пошёл на беспрецедентные уступки.

Несмотря на то, что Я. А. Берзин имел формальное право в виде постановления Политбюро от 23 июля пойти на уступки, брать ответственность на себя он не хотел. Лучшим вариантом он посчитал добиваться от Политбюро подтверждения прежнего решения, в виду изменившейся ситуации¹⁰¹. В этот же день последовал ответ Г. В. Чичерина о неприемлемости финских предложений¹⁰².

Неудовлетворённый ответом наркома, Я. А. Берзин, обратился напрямую с докладной запиской к члену Политбюро и секретарю ЦК РКП (б) Н. Н. Крестинскому. В ней он настаивал на необходимости уступок и просил его содействия. Обосновывая своё предложение, Берзин писал: «За пределы старого постановления Политбюро уступки не выходят, но необходимо новое подтверждение в виду давности. Против мира в Финляндии страшная агитация и переговоры сорвутся, если мы не сделаем этих по существу весьма ничтожных уступок. <...> Аппетит финнов разжигают крупные уступки, которые мы, видимо, вынуждены делать Польше. Финны тем больше будут требовать, чем мы больше будем тянуть переговоры. Прошу поторопить Политбюро, ускорить получение нами ответа»¹⁰³. Этой телеграммой Берзин подталкивал Политбюро на принятие финских требований. Как видно, Берзин в очередной раз хотел повлиять на решения по территориальным уступкам, за счёт партийных связей, в обход Г. В. Чичерина. Отметим, что хотя нарком иностранных дел и являлся большевиком с дореволюционным стажем, но ни в состав ЦК партии, ни в Политбюро не входил, что снижало его вес при принятии решений.

Пересылая телеграмму Я. А. Берзина Н. Н. Крестинскому, Г. В. Чичерин приложил к ней сопроводительное письмо. В нём он, прежде всего, опроверг тезис Берзина о ничтожности уступок в Печенге. Финны требовали передачи Вайды-губы и северной оконечности полуострова Рыбачий, обращённую к Норвегии. Тем самым они брали под контроль морской путь из России в Норвегию. Предложение председателя советской делегации, по словам наркома по иностранным делам, «прокидывает всю нашу комбинацию относительно Печенги»¹⁰⁴. Нарком также считал, что получить международную гарантию на нейтрализации Гогланда быстро не удастся, а до этого он не будет нейтрализован¹⁰⁵. Как видно, противостояние между наркомом и Берзиным вступало в решающую фазу.

1 октября в Тарту состоялось очередное заседание. Оно носило весьма острый и порой драматический характер, поставив конференцию на грань срыва. Стороны твёрдо отстаивали свои позиции. Председатель финской делегации Ю. К. Паасикиви констатировал, что переговоры велись в комиссиях, подкомиссиях и в частных совещаниях. Однако по ряду вопросов договориться не удалось. Так, Финляндия настаивала

на нейтрализации острова Гогланд под международной гарантией. Возникли разногласия и по западной части полуострова Рыбачий. Финны считали, что Печенга потеряет для них значение, если эта часть полуострова останется вне её границ. К тому же в 1918 г. эти территории были переданы правительству красных финнов. Споры возникли и по временному соглашению об урегулировании торговых отношений и, в частности, транзита. Финны считали, что соглашение более выгодно для Советской России, чем для них, и поэтому в качестве компенсации требовали освобождения своих товаров от пошлин¹⁰⁶.

В ответном слове А. Я. Берзин сделал акцент на том, что советская делегация пошла на значительные уступки Финляндии и в районе Печенги, отказавшись от территориальных компенсаций. В то же время финская делегация обещала пойти на уступки, но их не последовало. Вопрос о прежних финансово-экономических отношениях был разрешён не в пользу Советской России. Советская делегация готова была отказаться от Суоярвского лесничества и пойти на уступки по количеству передаваемых судов, но с условием уступок со стороны Финляндии¹⁰⁷. По словам Берзина: «Мы должны заявить самым категорическим образом, что российская делегация пошла на максимальные уступки и далее в этом направлении идти не может. Относительно наших уступок в области Печенги, мы должны сказать, что в настоящий момент российская делегация не может сделать ни шагу дальше <...> в добавок к тому, что мы уступили значительную часть территории и предоставили Финляндии свободный выход к Ледовитому океану, мы заявили о своём согласии предоставить финскому населению право рыбной ловли на западном, северном и восточном побережье Рыбачьего полуострова, а также связанное с ним право устройства там стоянок, селений и пр. Мы полагаем, что эти уступки вполне удовлетворяют справедливые интересы населения северной Финляндии. Мы идем на все эти уступки, несмотря на то, что это чрезвычайно чувствительно отражается на интересах Советской России. Дальше этого мы не можем идти»¹⁰⁸. Берзин также настаивал на нейтрализации Гогланда, не дожидаясь международных гарантий, так как этот остров запирает выход из Финского залива в Балтийское море. Обозначая главные проблемы, он говорил: «Главным и решающим вопросом теперь, является вопрос о Гогланде и о северной границе Печенги, и по этим вопросам мы ни каких дальнейших уступок сделать не можем»¹⁰⁹.

С контр-аргументами снова выступил Ю. К. Паасикиви. Он обратил внимание на негативную реакцию финляндской прессы по поводу отказа от Восточной Карелии. В уступке Печенги он не видел ничего особенного, поскольку она была обещана ещё царским правительством. Приходы Поросозеро и Ребола решили добровольно присоединиться

к Финляндии и уже два года находились под её управлением. В экономическом отношении Финляндия выступает против того, чтобы Советская Россия получила больше преимуществ, чем она сама. Финны не могут делать уступок по Гогланду, так как он важен для обороны Финляндии. Западная оконечность Рыбачьего в 1918 г. была передана красным, и тогда это не считалось важным, как теперь. По инструкциям финского правительства делегация должна настаивать на передаче западной оконечности Рыбачьего Финляндии¹¹⁰.

С возражениями по поводу ряда положений речи Ю. К. Паасикиви снова слово взял Я. А. Берзин. Он не признал аргументов главы финской делегации. Агитацию против заключения мира, развернувшуюся в Финляндии, он назвал «империалистической», поскольку для финских империалистов мир не является блестящим. От мира финны получают значительные экономические выгоды и территориальные приобретения. С империалистическими голосами советская делегация считаться не может, «как и с доводами в пользу того, что Россия должна делать дальнейшие уступки». Берзин также отметил, что возвращение Реболы и Поросозера не является уступкой, поскольку они подверглись оккупации. Нейтрализацию островов в Финском заливе он обосновал необходимостью предотвращения конфликтов в этом районе между Советской Россией и Финляндией. Обосновывая передачу западной части Рыбачьего красным финнам в 1918 г., Берзин говорил, что она передавалась союзнику. Оценивая сложившуюся в данный момент для Финляндии ситуацию, глава советской делегации говорил: «Я сильно сомневаюсь, что подобные же условия снова могли быть предложены Финляндии, особенно в отношении территориальных уступок, в случае разрыва настоящих мирных переговоров»¹¹¹.

Отвечая на замечания Я. А. Берзина Ю. К. Паасикиви заявил, что в Финляндии нет империализма. Однако в стране широко распространено мнение о необходимости защиты соплеменников, живущих в России, а её формой может стать предоставление финнам, живущим в России, права на самоопределение. По поводу вхождения Реболы и Поросозера в состав Финляндии он повторил об добровольном желании их жителей к присоединению, и только после этого были введены финские войска¹¹².

После выступления Ю. К. Паасикиви снова выступил Я. А. Берзин. Он настаивал на том, что представители финляндского правительства занимаются агитацией за присоединение Восточной Карелии, а также Реболы и Поросозера. По поводу западной оконечности Рыбачьего Берзин заявил, что она может быть использована союзниками во враждебных Советской России целях. Повторяя тезис об уступках красным финнам, он сказал, что они могли быть сделаны только тому правительству, ко-

тому Советская Россия абсолютно доверяет. Опыт же взаимодействия с буржуазным правительством Финляндии не даёт гарантий на будущее. В определённых условиях их отношения могли перерасти во враждебные. Закljučая выступление, Берзин сказал: «Мы сносились по всем этим спорным вопросам со своим правительством и инструкции его совершенно категоричны. Мы не можем сделать никаких новых уступок и должны категорически настаивать на выставленных нами требованиях»¹¹³.

На твёрдое заявление Я. А. Берзина последовал не менее жёсткий ответ Ю. К. Паасикиви. Он посчитал бесцельным продолжать дальнейшие прения, поскольку соглашение по Гогланду и западной части Рыбачьего не достигнуто, и к нему невозможно придти¹¹⁴.

Впрочем, Я. А. Берзин согласился с мнением Ю. К. Паасикиви на необходимость объявить перерыв в работе конференции. Однако он заинтересовался, как финны понимают этот перерыв: как окончательный разрыв переговоров или только на время консультаций. На это глава финляндской делегации ответил: «Мне кажется, что если нынешняя делегация прекратит свои занятия и уедет отсюда, то вряд ли она вернётся в нынешнем составе. Тогда правительствам придётся, если они пожелают вести переговоры, согласиться относительно времени, места и нового состава делегации»¹¹⁵. Такой поворот событий, по-видимому, оказался неожиданным для Берзина, и он внёс предложение объявить лишь короткий перерыв, причем только для обсуждения возникшей ситуации в делегациях. Финны согласились прервать работу на десять минут. Однако он продолжался 22 минуты. Выступивший затем Паасикиви сказал: «На частном заседании председателей делегация, условлено, что настоящее заседание отсрочено до следующего понедельника. О времени будет особое соглашение»¹¹⁶.

О чём говорили главы делегаций после столь жёстких заявлений и почему дрогнул Я. А. Берзин, и какие обещания он дал финскому коллеге в приватной беседе, мы не знаем. Однако его дальнейшие действия говорят, что он надеялся заставить советское руководство пойти на требуемые финнами уступки.

Об этом, в частности, говорит и донесение секретаря делегации А. С. Черных Г. В. Чичерину. В нём он приводит высказывание Я. А. Берзина, опубликованное в газете «Социал-демократен» в номере от 2 октября 1920 г. На заседании 1 октября Берзин сказал: «Тот мир, который бы теперь следовало заключить с Советской Россией, является для Финляндии весьма выгодным. Несомненно, что таких условий мира Финляндия не достигнет ни от какого иного русского правительства, поэтому было бы прямым предательством интересов страны, если финское правительство допустит прекращение мирных переговоров по вы-

шеприведённым вопросам. Нашим требованием является не прерывать мирных переговоров. Мир должен быть сейчас же подписан, вопрос касающийся нейтрализации Голланда несомненно является пунктом, по которому наше правительство должно уступить»¹¹⁷. В этом интервью следует обратить внимание на два пассажира. В первом Берзин выступает защитником интересов Финляндии «было бы прямым предательством интересов страны, если финское правительство допустит прекращение мирных переговоров», а во втором призывает советское правительство уступить по вопросу о Голланде. Странность позиции Я. А. Берзина состояла в том, что в этом интервью он защищал интересы не Советской России, представителем которой являлся, а Финляндии.

В этот же день, 1 октября Я. А. Берзин направил телеграмму Г. В. Чичерину, в которой есть такие строки: «Если мы не уступим теперь же по этим двум пунктам, то не минуем разрыв или перерыв, после которого нам придётся уступить. Мы все единодушно настаиваем на уступках.<...> Настаиваем на обсуждении вопроса в Политбюро и на немедленном ответе»¹¹⁸.

Несмотря на все грозные заявления Я. А. Берзина и П. М. Керженцева на переговорах, они боялись их разрыва и это чувствовала финская сторона. Как заметил Е. А. Беренс в письме к Э. М. Склянскому от 24 сентября: «Финны видимо рассчитывают, что мы уступим, так как решение уступать вообще что либо в Печенге нами было принято примерно через два месяца после начала переговоров и несмотря на неоднократные и категорические заявления с нашей стороны, что мы на это не согласны. Очевидно, финны рассчитывают, что и теперь, несмотря на такие же наши заявления, что мы дальше уступать не можем, они всё же надеются нас пересидеть»¹¹⁹.

Возникает вопрос: с чем связано упорство финнов, считавших, что советская делегация пойдёт на уступки, несмотря на то, что на всех официальных встречах она заявляла о невозможности территориальных уступок?

Бесспорно, здесь сказывалось поражение на польском фронте, тяжёлое экономическое положение в Советской России, продолжавшаяся борьба с войсками Врангеля в Крыму. Финны отдавали себе отчёт, что мир остро нужнее Советской России, и даже больше чем им. Поэтому очевидно и надеялись на удовлетворении своих экспансионистских appetitov.

Вместе с тем телеграмма Я. А. Берзина имела далеко идущие последствия. 1 октября председатель СНК В. И. Ленин пишет проект постановления о мире с Польшей и Финляндией. В этот же день принимается постановление Политбюро об уступке территории Финляндии и заключении с ней мирного договора. Следует отметить, что в проекте поста-

новления Ленин потребовал подписать мир примерно в 3 дня, иначе взять предложенные финской делегации уступки назад¹²⁰.

Само постановление разрешало советской делегации: «сделать предложенную тов[арищем] Берзиным уступку, если 1) эта уступка не выходит за пределы первоначального постановления Политбюро о Печенге и 2) если в результате этой уступки будет в указанный товарищем Берзиным срок заключён мир с Финляндией»¹²¹. Таким образом, главную роль в подписании мира сыграл Ленин. Об этом также свидетельствовал и Г. В. Чичерин. Он указывает: «Так же настоял он [В. И. Ленин. — А.С.] в 1920 г., в виду колебаний других товарищей, на уступке нами Финляндии области Печенги»¹²².

Можно предположить, что территориальные уступки Польше и Финляндии вызывали одобрение не у всех руководителей Советской России. Тот же Чичерин сообщал, что в 1921 г. личное участие Ленина в решении внешнеполитических вопросов становится «значительно меньшим», вытесняясь коллективным обсуждением¹²³. Похоже, что политике, согласно которой следовало откупиться от империалистов, приходил конец.

Интересно, что пункт первый постановления Политбюро был составлен в сослагательном наклонении и в принципе мог быть обжалован, чем и воспользовался затем Г. В. Чичерин. В этот же день, 1 октября постановление Политбюро довели до Чичерина, и оно вызвало его негативную реакцию. В письме члену Политбюро Н. Н. Крестинскому нарком писал: «Первоначальное постановление Политбюро относилось к Печенге, т. е. бухте к западу от Рыбачьего полуострова и области вдоль границы Норвегии. Принимая постановление об уступке Финляндии пограничной с Норвегией сухопутной полосы, Политбюро исходило из того, что в нашем распоряжении останется морской путь на Вардо [порт в Норвегии. — А.С.]. Интерпретацию, данную тов. Берзиным постановлению Политбюро [постановление от 23 июля. — А.С.], считаю несомненно ложной, но легко объяснимой тем, что Политбюро не останавливалось на границе уступаемой полосы, так как не было ещё известно, какие будут по этому поводу разногласия. Уступка Финляндии той оконечности Рыбачьего полуострова, которая играет главную роль в вопросе о морских сношениях с Вардо, есть вопрос первостепенной важности»¹²⁴. Таким образом, хоть и не прямо, но Чичерин обвинял Я. А. Берзина в искажении решения Политбюро. Скорее всего, аргументация наркома возымела своё действие, и Берзину были даны соответствующие указания. В результате Вайду-губу разделили пополам, а не отдали полностью финнам, как они того требовали.

4 октября в телеграмме Г. В. Чичерину Я. А. Берзин сообщал о принятии всех статей договора за исключением одной — о границе в Печенге, 212

поскольку нет точной формулировки, и тут же он доводил до сведения наркома, что граница делит Вайду-губу пополам. Наконец 5 октября была утверждена окончательная редакция статьи о границе в Печенге. Теперь дело было за техническим оформлением договора. Таким образом ультимативное требование заключить мир в три дня сработало.

Однако территории, отошедшие к Финляндии, оказались значительными. Это северо-западная часть полуострова Рыбачий, большая часть полуострова Средний с Большой и Малой Волоковыми губами и перешейком между Рыбачьим и Средним, а также острова Кий и Айновы, занимавшие командное положение над Печенгской, Амбарной, Большой и Малой Волковыми губами. Лишившись этих территорий, Россия потеряла господствующее положение на Западном Мурмане, что делало уязвимой военно-морскую базу в Мурманске.

Участник переговоров в Тарту, военно-морской эксперт Е. А. Беренс в письме начальнику оперативного отдела штаба морских сил Балтийского моря М. А. Петрову 6 октября 1920 г. писал.: « Я утверждаю, что мы пошли на уступки с вполне открытыми глазами, зная, что мы уступаем <...> нам настолько вероятно нужен был мир, что мы согласились заплатить за него такую цену, раз, по наступившему для нас невыгодному международному положению, его дешевле оказалось невозможным купить, <...> и если, тем не менее правительство решило уступать, то сделало это во всеоружии знания той жертвы, которую делает»¹²⁵. Однако возвращение потерянного, по мнению того же Е. А. Беренса, являлось процессом неимоверно трудным: «что касается уступки территории, то как показывает практика, она поправима лишь при помощи, крайне сильных средств и потрясений»¹²⁶.

Следует отметить, что решение по уступке территории ради мира являлось актом политическим и военные к его принятию не привлекались, так как их отрицательное мнение было хорошо известно. Помимо сложного международного положения, на советское руководство оказывало давление и катастрофическое экономическое положение страны, приведшее к Кронштадтскому восстанию в марте 1921 г.

5 октября состоялось одиннадцатое пленарное заседание мирной конференции. На нём прозвучало заявление об устранении всех разногласий благодаря уступкам с обеих сторон, которые утвердила объединённая комиссия. После того, как советская делегация согласилась предоставить Финляндии требуемые уступки, все статьи мирного договора между Советской Россией и Финляндией были приняты. По сути заседание носило формальный характер даже если судить по времени его проведения. Начавшись в 5 ч. 30 мин. оно закончилось в 6 ч. 17 мин., продолжившись всего 47 минут.

Правда ещё предстояло поработать редакционной комиссии над некоторыми формулировками¹²⁷.

14 октября 1920 г. прошло заключительное, уже 12-е пленарное заседание мирной конференции, на котором состоялось подписание мирного договора¹²⁸. Перед подписанием советско-финляндского договора главы делегаций сделали ряд заявлений для занесения в протокол. От имени советской делегации выступал Я. А. Берзин. Он ещё раз разъяснил присутствующим политику советского правительства в отношении и Восточной Карелии, которая становилась автономией в составе Советского государства. Организация жизни в ней строилась на принципе самоуправления. Она могла самостоятельно устраивать свою экономическую жизнь, но в соответствии с общим хозяйственным планом республики. При этом местный язык мог использоваться в администрации, законодательстве, просвещении. В Восточной Карелии, как и во всей стране, вводилась милиционная система. Берзин сделал также заявление по поводу ингерманландцев, финского населения, проживавшего в Петроградской губернии. Ему гарантировались все права, которые предоставлялись всем национальным меньшинствам, в том числе свободно пользоваться родным языком. Финскому населению Петроградской губернии, карелам в Олонецкой и Архангельской губерниях, бежавшим из мест постоянного проживания, даровалась политическая амнистия и право возвращения на родину. При этом советское правительство соглашалось облегчить участь тех, кто потерял имущество. В Поросозерской и Ребольской волостях Советская Россия обязывалась в течение двух лет не держать войска, кроме пограничной стражи, в том случае, если им не будет угрожать опасность со стороны Финляндии¹²⁹.

По мнению Ю. М. Килина советские дипломаты в Тарту переиграли своих партнёров, поскольку декларации, приложенные к договору, не имели обязательного характера и о них не упоминалось в тексте договора, а в самом договоре вообще не было указано, хотя составляют его неотъемлемую часть. Таким образом, с формально юридической точки зрения, позиция советской делегации была безупречной¹³⁰.

Глава финляндской делегации Ю. К. Паасикиви также сделал заявление для протокола. Он сказал, что все претензии финляндских граждан, товариществ и союзов к Советскому государству остаются вне договора. Вместе с тем, как сказал, Паасикиви, Россия гарантировала выполнение своих обязательств по статьям 23 и 28. В них говорилось о возврате судов прежним собственникам, реквизированным во время войны. В отношении частного имущества, оставшегося в России, его владельцам предоставлялись права на возврат убытков, такие же, как будут предоставлены гражданам наиболее благоприятствуемого государства. Он также заявил об обоюдном согласии назначить военных и морских атташе¹³¹. После

этого состоялось подписание договора. С советской стороны подписи поставили: Я. А. Берзин, П. М. Керженцев, Н. Н. Тихменёв; с финляндской: Ю. Х. Паасикиви, Ю. Х. Веннола, А. Фрей, К. Р. Вальден, В. А. Таннер, В. Г. Кивилинна, К. В. Войномаа. После подписания документа с заключительными словами выступили Берзин и Паасикиви¹³².

И так завершились драматические четырёхмесячные переговоры. Их участники провели одиннадцать пленарных заседаний, более пятидесяти заседаний комиссий (территориальной, экономической, правовой, по перемирию), свыше ста заседаний подкомиссий и ряд частных, неформальных бесед¹³³.

12 октября, за два дня до заключения договора в Тарту, в Риге состоялось подписание прелиминарного договора с Польшей. Теперь в Советской России все силы могли быть брошены в Крым на борьбу с войсками Врангеля. Таким образом в результате значительных территориальных потерь удалось вырвать «крымскую занозу» и закончить Гражданскую войну в европейской части Советской России.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: *Смолин А. В.* Советско-финские переговоры в Тарту. Первый этап 12 июня — 14 июля 1920 г. // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. 2019, № 20 /1/. С. 39–57.

² Ленин В. И. *Биохроника* Т. 9. Июнь 1920 — январь 1921. М., 1978. С. 124.

³ Российский государственный архив Военно-морского флота (далее: РГА ВМФ). Ф. Р-1. Оп. 3. Д. 777. Л. 142.

⁴ Там же Л. 148.

⁵ Там же. С. 357.

⁶ Там же Л. 143–144

⁷ Там же Л. 143, 146.

⁸ РГА ВМФ. Ф. Р-1 Оп 3. Д. 777. Л. 811. Письмо Е. А. Беренса — Э. М. Склянскому 25 августа 1920 г.

⁹ *Керженцев П. М.* Мир с Финляндией. Саратов. 1920. С. 5.

¹⁰ *Россия и Финляндия: От противостояния к миру. 1917–1920.* М., 2017. С. 365.

¹¹ Там же. С. 365

¹² РГА ВМФ Ф. Р-1. Оп 3. Д. 777. Л. 297–306, 309–320.

¹³ Там же Л. 298.

¹⁴ Там же. Л. 300–306.

¹⁵ Там же. Л. 803.

¹⁶ *Холодковский В. М.* Финляндия и Советская Россия. 1918–1920. М., 1975. С. 203, 210, 212.

¹⁷ *Документы внешней политики СССР.* Т. III. 1 июля 1920 — 18 марта 1921. М., 1959. С. 81.

¹⁸ *Холодковский В. М.* Финляндия и Советская Россия... С. 213.

¹⁹ Там же. С. 214.

²⁰ Россия и Финляндия: От противостояния к миру. С. 367.

²¹ *Холодковский В. М.* Финляндия и Советская Россия. С. 212.

²² Этой комиссии следовало рассмотреть финские предложения. В состав комиссии от советской делегации должны были войти Н. С. Тихменёв и П. М. Керженцев и эксперты В. Н. Егорьев и Смирнов, а также секретарь А. С. Черных и с финской стороны — А. Фрей, В. А. Таннер, эксперт Н. Прокопе секретарь Э. Хейлимо (См.: РГА ВМФ. Ф. Р-1. Оп. 3. Д. 777. Л. 807; Россия и Финляндия: от противостояния к миру. С. 370).

Начались заседания правовой комиссии 9 августа. Причем обсуждение свелось к разъяснению советской стороной вопросов, связанных с амнистией участвовавших «в последних военных событиях» организаций, враждебных другому государству и ставящих своей целью свержение существующего политического режима. Дискуссия же развернулась вокруг основы проекта об интернировании и амнистии. Н. С. Тихменев выступал за разделение по инкриминируемым преступлениям, А. Фрей же говорил о национальности, как базисе. Обмен мнениями по советскому проекту статей показал, что стороны в целом согласны по большинству пунктов. Фрей предложил также рассмотреть вопрос о взаимном отказе от пропаганды в другой стране. Последовавшие затем заседания привели к тому, что 17 сентября были приняты статьи об амнистии, о смешанной комиссии по соблюдению, договора об открытии дипломатических и консульских учреждений, вошедшие затем в текст мирного договора.

²³ С советской стороны договор подписали Я. А. Берзин, П. М. Керженцев, Н. С. Тихменёв, а с финской — Ю. К. Паасикиви, Ю. Х. Венола, А. Фрей, К. Р. Вальден, В. А. Таннер, К. В. Войномаа, В. Г. Кивилинна.

²⁴ Документы внешней политики СССР. С. 124–129; РГА ВМФ. Ф. Р-1. Оп.3. Д. 777. Л. 156, 157. Россия и Финляндия: От противостояния к миру. С. 385. Стенографический отчёт девятого заседания пленума. Наблюдение за соблюдением договора осуществляла Центральная и местные комиссии (Россия и Финляндия: От противостояния к миру. С. 385; Документы внешней политики СССР. С. 127–129). В результате перемирия Балтийский флот начал разминирование. Так, с 20 августа по 16 сентября он произвёл разминирование и обвеховывание Южного фарватера. В результате чего удалось выловить 10 мин. Из них 9 русских и одна противника (РГА ВМФ. Ф. Р-1. Оп. 3. Д. 801. Л. 88. Оперативный отчёт с 1 апреля по 1 октября 1920 г. Морского командования Балтийского флота 13 ноября 1920 г.).

²⁵ Одним из острых вопросов стал вопрос о претензиях частных лиц. Поскольку русское имущество оставлялось в Финляндии, то советская делегация предложила финнам удовлетворять претензии своих граждан через его продажу. Финская сторона расценила это предложение, как «жертву» со своей стороны, поскольку считала, что цена финляндского имущества была выше, чем русского. Однако с этим категорически не соглашалась русская делегация. Ввиду сложности вопроса о частных требованиях граждан, финны предложили оставить его вне соглашения. В разряд исключений они рекомендовали внести имущество

религиозных обществ и учреждений, преследующих культурные цели, а также архивы и топографические карты, которые подлежали возвращению.

²⁶ РГА ВМФ. Ф. Р-1. Оп. 3. Д. 777. Л. 549–553.

²⁷ В эту сумму не включалось имущество, отнесённое к военной добыче, а также гражданское имущество и суммы валютных операций, транзитные грузы и ряд других категорий товаров. Всё это в сумме давало 160 млн марок золотом.

²⁸ В исключения из статус-кво советская делегация внесла: железнодорожный состав и суда, здания для дипломатических нужд в трёх городах, санаторий «Халлила» на территории Финляндии, являвшийся собственностью России, грузы прибывшие в Финляндию до и после провозглашения независимости, телеграфные провода, связывающие Петроград с Стокгольмом, Ньюкастелем, Фредерицей и один Петроград—Вартониеми—Александровск (мурманский), идущий через Выборг, Куопио, Кемь и Рованиеми, на 50 лет на правах экстерриториальности. Сохранение прав по договорам с Данией на три корабля прямого сообщения со Швецией от Ньюстада через Аландские острова. Оставались в силе и обязательства банка Финляндии по валютному договору 1917 г. Оригиналы топографических карт и средства их воспроизведения, архивы, касающиеся взаимоотношений России и Финляндии, российская сторона передавать отказалась, поскольку всё это представляло ценность для неё самой. В тоже время Археологические предметы и произведения искусства она соглашалась передать Финляндии (РГА ВМФ. Ф. Р-1. Оп. 3. Д. 777. Л. 558–559).

Выступивший с ответным словом Ю. К. Паасикиви заметил, что по многим пунктам позиции делегации сходятся, но имеются и расхождения. Так по финским подсчётам, стоимость русского военно-морского имущества составляла не 4 млрд. марок, а всего 732 млн. марок и имущество для гражданских целей оценивалось в 274 млн. марок. В этот подсчёт не вошли бетонные и земляные работы по возведению укреплений, что составило 1 млрд марок, тогда как требования Финляндии к России оценивались в 1,7 млрд марок. Поэтому статус-кво не выгоды Финляндии и это с её стороны жертва.

Паасикиви выразил также возражения и по поводу ряда исключений, к ним он отнёс возвращение всех судов, транзитных грузов, оставление в собственности России санатория «Халлила». Он также высказал несогласие по поводу валютного соглашения 1917 г. финляндского банка, по которому следовало отдать обратно 700 млн марок, а также по отказу России вернуть архив Статс-секретаря Великого княжества Финляндского.

В свою очередь, эксперт по экономическим вопросам В. М. Смирнов усомнился в подсчётах финской делегации по русскому имуществу, считая, что они значительно преуменьшены. Поскольку только одно Суоярвское лесничество располагалось на территории в 200 тыс. десятин. Тогда Паасикиви предложил создать комиссию по взаимной оценке имущества. Это вызвало возражение П. М. Керженцева, считавшего, что в этом случае процесс выработки мирного договора затянется.

²⁹ РГА ВМФ. Ф. Р-1. Оп. 3. Д. 777. Л. 564–567.

³⁰ От советской делегации в неё вошёл В. М. Смирнов, от финляндской — В. А. Таннер.

³¹ РГА ВМФ. Ф. Р-1. Оп. 3. Д. 777. Л. 570–571.

³² Там же. Л. 582–586.

³³ Таким являлось Суоярвское лесничество, которым Россия владела на правах концессии. На заседании советская делегация потребовала, чтобы Финляндия предоставила право эксплуатации лесничества на 60 лет, с правом беспроцентного вывоза леса и лесных материалов.

При этом предлагалось передать эксплуатацию лесничества финским товариществам на основе особого соглашения. Обосновывая свои претензии и П. М. Керженцев указывал, что Финляндии остаётся всё военно-морское и всё гражданское имущество. Россия отказывается от прав на транзитные грузы, оставшиеся в Финляндии, не настаивает на выполнении валютного соглашения. Однако взамен ожидает уступок по судам и лесничеству (Там же. Л. 587–589).

Отвечая П. М. Керженцеву Ю. К. Паасикиви ссылался на то, что транзитных грузов в Финляндии осталось мало. Часть исчезла во время Гражданской войны, другая оказалась испорченной. Две трети гражданского имущества это Суоярвское лесничество и если от него отказаться, то от статус-кво ничего не останется. В связи с этим уступить его Финляндия не может. Так не до чего и не договорившись, неурегулированные вопросы снова передали в подкомиссию (Там же. Л. 589, 591).

³⁴ Там же. Л. 603–604.

³⁵ Там же. Л. 604, 606, 607.

³⁶ Мельтюхов М. Советско-польские войны. 2-е изд. М., 2004. С. 144–146.

³⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 51 С. 446.

³⁸ Россия и Финляндия: От противостояния к миру. С. 370.

³⁹ РГА ВМФ Ф. Р-1. Оп. 3. Д. 777. Л. 801.

⁴⁰ Там же. Л. 356.

⁴¹ Сведения о том, что решение об уступке в районе Печенги было принято спустя примерно два месяца после начала переговоров, имеются и в одном из писем Е. А. Беренса Э. М. Склянскому. Оно тоже указывает примерно на 12–13 августа (Там же. Л. 819).

⁴² Россия и Финляндия: От противостояния к миру С. 373–374.

⁴³ Изучив предложения морского командования, о расширении русских территориальных вод в Финском заливе, до выхода в Выборгский залив, 14 августа, он направил служебную записку Г. В. Чичерину. В ней Лебедев пришёл к выводу о том, что подобная мера могла иметь смысл только в том случае, если сухопутная граница на Карельском перешейке будет отодвинута на север. Тогда бы это способствовало укреплению безопасности Петрограда. В связи с этим он предлагал произвести обмен территориями. За уступку на Карельском перешейке Лебедев считал возможным отдать Финляндии часть приходов Поросозера, Пагоозера и Ребола, при этом не нарушая безопасности Мурманской железной дороги, а также часть Печенгского района. В случае отказа финнов от такого обмена никаких уступок в Карелии и в Печенге он предлагал не делать. По мнению Лебедева, которого поддержал и главком С. С. Каменев, он не видел смысла расширять территориальные воды без обладания соответствующей полосой на Карельском перешейке. Таким образом, Полевой штаб связал уступку Печенги с соответству-

ющими территориальными компенсациями со стороны Финляндии на Карельском перешейке (Там же. С. 378–379).

⁴⁴Скорее всего, нарком делал это с целью затягивания переговоров, хотя в других телеграммах он призывал к их ускорению. Негативная реакция Я. А. Берзина была ожидаема. В ответе наркому 17 августа он написал, что Политбюро в своём постановлении уступку Печенги не обуславливала территориальным возмещением со стороны финнов. Берзин заявлял, что на компенсацию финны не согласятся. При этом, он в очередной раз предупреждал Чичерина, что постановка этого вопроса может привести к разрыву или затяжке переговоров (Там же. С. 380).

⁴⁵Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника Т. 9. Июнь 1920 — январь 1921. М., 1978. С. 206.

⁴⁶Свою позицию нарком объяснял тем, что после заключения мира начать войну с Россией ей будет труднее, чем при одном перемирии. «Поэтому скорое заключение мира является для нас несравненно первостепенной необходимостью» — писал Чичерин (См.: Россия и Финляндия: От противостояния к миру. С. 385–386).

⁴⁷Там же. С. 381, 384.

⁴⁸Там же. С. 384.

⁴⁹Там же. С. 383.

⁵⁰Там же. С. 382, 384.

⁵¹Там же. С. 373.

⁵²Там же. С. 383.

⁵³Там же. С. 384.

⁵⁴Там же. С. 381.

⁵⁵Там же. С. 382.

⁵⁶Там же. С. 384.

⁵⁷РГА ВМФ. Ф. Р-1. Оп. 3. Д. 777. Л. 339, 340, 346.

⁵⁸Там же. Д. 773. Л. 140.

⁵⁹Там же. Л. 138 — об.

⁶⁰Россия и Финляндия: от противостояния к миру. С. 393.

⁶¹Там же. С. 386.

⁶²Там же. С. 391–392.

⁶³Керженцев П. М. Мир с Финляндией. С. 6.

⁶⁴Россия и Финляндия: от противостояния к миру. С. 392.

⁶⁵И хотя с момента предыдущей встречи прошло десять дней, но это не означало, что работа останавливалась. В это время прошло несколько заседаний территориальной подкомиссии, на которых обсуждался вопрос о Печенге.

⁶⁶РГА ВМФ. Ф. Р-1. Оп. 3. Д. 777. Л. 348–349.

⁶⁷Там же. Л. 349.

⁶⁸По пути следования Россия могла иметь склады и гостиницы с охраной. Передаваемый район подлежал нейтрализации, как и бухты и гавани на его территории.

⁶⁹РГА ВМФ. Ф. Р-1. Оп. 3. Д. 777. Л. 350–351.

⁷⁰Развивая национальную идею, финляндский делегат продолжал: «Мы должны ещё с сожалением констатировать тот факт, что г. Петроград находится

в самом центре финского населения и из-за этого факта сотни тысяч финляндцев должны оставаться в пределах России» (Там же. Л. 354). Причем в действительности, в то время на территории Петроградской губернии, насчитывавшей 888 тыс. жителей и проживало 11,5% финнов-ингерманландцев, что составляло чуть более 100 тыс. человек (См.: Смирнова Т. М. Национальность — питерские: Национальные меньшинства Петербурга и Ленинградской области в XX в. СПб.: 2002. С. 64, 67–68).

⁷¹ Отвечая на претензии Ю. Х. Веннолы, П. М. Керженцев обратил внимание на неуступчивость финской стороны, которой ещё не было две недели назад. Позиция финнов становилась всё более требовательной и далёкой от разумных компромиссов. Такое поведение коллег он связывал с ухудшением положения войск Красной армии на Польском фронте и приходил к выводу, что финляндское правительство неверно оценивает ситуацию и в таком случае придётся прервать переговоры. На неопределённый срок (РГА ВМФ. Ф. Р-1. Оп. 3. Д. 777. Л. 356, 359).

Реагируя на высказывания П. М. Керженцева, Ю. Х. Веннола говорил о том, что уступки России в Финском заливе обеспечили безопасность Петрограда. Финляндия нейтрализовала острова и согласна на нейтрализацию острова Гогланд под международной гарантией и что финская делегация не хочет отказываться от дальнейшей работы, но и передачи своей территории она не допустит. По мнению Веннолы: «Для финского национального чувства недопустимо, чтобы мы уступили России чисто финские области. <...> Это всё равно, как если бы мы должны были отрезать часть нашего тела, чтобы купить что-либо» (Там же. Л. 358, 359).

⁷² Там же. Л. 370.

⁷³ Россия и Финляндия: От противостояния к миру. С. 393.

⁷⁴ Первая начиналась словами: «Идти далее линии Керженцева недопустимо. Отхватывать ту часть Рыбачьего полуострова, которую хотят финны, невозможно. Плебисцит в двух приходах недопустим. Никакие разговоры о Карелии не допустимы вообще, позиция Керженцева в территориальной комиссии должна быть пределом уступок» (Там же. С. 393).

⁷⁵ Финскую жёсткость Чичерин связывал с положением на Польском фронте и просил довести до партнёров по переговорам мысль о том, чтобы они не заблуждались относительно временных неудач Красной армии. При этом вторая телеграмма вообще начиналась словами: «Надо безусловно проявить по отношению к финнам полную твёрдость» и заканчивалась: «Вообще применение теперь по отношению к ним [финнам. — А.С.] абсолютной твёрдости необходимо» (Там же. С. 393–394).

⁷⁶ Так, 3 и 4 сентября социал-демократ В. А. Таннер беседовал с П. М. Керженцевым. Во время первой встречи они согласились с тем, что Россия отказывается от территориальных компенсаций за отдачу Печенги. В свою очередь, приходы Ребола и Поросозеро остаются за Россией. В последствии он отмечал, что сначала Керженцев пытался добиться уступок на Карельском перешейке, однако вскоре от них отказался. После этого разговора, 3 сентября Я. А. Берзин телеграфировал в Москву, предлагая согласиться на финские условия, поскольку в случае их принятия финские социал-демократы обещали бороться за немедленный мир (Россия и Финляндия: От противостояния к миру. С. 395).

⁷⁷ Там же. 396.

⁷⁸ *Tanner V. Tarton rauha.* S. 142.

⁷⁹ Нарком считал недопустимой отдачу Финляндии Поросозеро и Ребола, необходимых для защиты Мурманской железной дороги, а в случае упорства финнов предлагал даже идти на перерыв переговоров.

⁸⁰ Россия и Финляндия: От противостояния к миру. С 396–397.

⁸¹ Там же. С. 397–398, 463.

⁸² Там же. С. 400, 405, 463.

⁸³ *Килин Ю. М.* Карельский вопрос во взаимоотношениях Советского государства и Финляндии в 1918–1922 гг. Петрозаводск, 2012. С. 66.

⁸⁴ Россия и Финляндия: От противостояния к миру. С. 398.

⁸⁵ Там же. С. 401.

⁸⁶ Там же. С. 399.

⁸⁷ Там же. С. 404.

⁸⁸ Там же. С. 401–402.

⁸⁹ Там же. С. 401, 402–403.

⁹⁰ Там же. С. 402–404

⁹¹ РГА ВМФ. Ф. Р-1. Оп.3. Д. 777. Л. 744.

⁹² Там же. Л. 370.

⁹³ Там же. Д.773. Л. 56 об.

⁹⁴ Там же. Л. 53.

⁹⁵ *Холодковский В. М.* Финляндия и Советская Россия... С. 222.

⁹⁶ Там же. С. 224.

⁹⁷ Там же. С. 225.

⁹⁸ Россия и Финляндия: От противостояния к миру. С. 406.

⁹⁹ РГА ВМФ Ф.р-1. Оп. 3. Д. 777. Л. 818.

¹⁰⁰ Там же.

¹⁰¹ Россия и Финляндия: От противостояния к миру. С. 406.

¹⁰² Там же. С. 406–407.

¹⁰³ Там же. С. 407.

¹⁰⁴ Там же. С. 408.

¹⁰⁵ Там же.

¹⁰⁶ РГА ВМФ Ф. Р-1. Оп. 3. Д. 777. Л. 158, 159.

¹⁰⁷ Там же. Л. 160.

¹⁰⁸ Там же. Л. 161.

¹⁰⁹ Там же. Л. 162.

¹¹⁰ Там же. Л. 162–164.

¹¹¹ Там же. Л. 164–166, 167.

¹¹² Там же. Л. 167–168.

¹¹³ Там же. Л. 170.

¹¹⁴ Там же 170, 171.

¹¹⁵ Там же. Л. 171.

¹¹⁶ Там же. Л. 172.

¹¹⁷ РГА ВМФ. Ф. Р-1. Оп. 3. Д. 773. Л. 46.

¹¹⁸ Россия и Финляндия: От противостояния к миру. С. 409.

¹¹⁹РГА ВМФ. Ф. Р-1. Оп. 3. Д. 777. Л. 819.

¹²⁰Россия и Финляндия: От противостояния к миру. С. 409–410.

¹²¹Там же С. 410.

¹²²*Чичерин Г. В.* Ленин и внешняя политика // *Мировая политика в 1924 г. М., 1925. С. 9.*

¹²³Там же. С. 10.

¹²⁴Россия и Финляндия: От противостояния к миру. С. 411.

¹²⁵РГА ВМФ. Ф. Р-1. Оп. 3. Д. 777. Л. 761–763.

¹²⁶Там же. Л. 818.

¹²⁷Там же Л. 173–180; Россия и Финляндия: От противостояния к миру. С. 413.

¹²⁸Россия и Финляндия: от противостояния к миру. С. 413–418.

¹²⁹Там же. С. 414–415.

¹³⁰*Килин Ю. М.* Карельское восстание 1921–1922 гг. и его последствия в свете новых архивных данных // *Россия и Финляндия в XVIII–XX вв. Специфика границы. СПб., 1999. С. 93–95.*

¹³¹Россия и Финляндия: От противостояния к миру. С. 415–416, 426, 427.

¹³²Подписание договора, по словам Я. А. Берзина, произошло на почве взаимных уступок. Вместе с тем, он заявил, что при некоторой неудовлетворённости, договор является справедливым и заключён в интересах обеих сторон. Он также выразил надежду на установление нормальных отношений между двумя странами (Там же. С. 416). В выступлении Ю. Х. Паасикиви акцент ставился на сложности переговоров: «Временами имелось мало надежды на успешность этих работ». Однако благодаря взаимным уступкам согласие удалось достичь (Там же. С. 417).

¹³³*Керженцев П. М.* Мир с Финляндией. С. 17.

ЛИТЕРАТУРА

Керженцев П. М. Мир с Финляндией. Саратов: Гос. изд-во. Саратовское отделение, 1920. 20 с.

Килин Ю. М. Карельское восстание 1921–1922 гг. и его последствия в свете новых архивных данных // *Россия и Финляндия в XVIII — XX вв. Специфика границы. СПб.: Институт Финляндии в Санкт-Петербурге; Европейский Дом; СПб НЦ РАН, 1999. С. 93–95.*

Ленин В. И. *Неизвестные документы. 1891–1922. 2-е изд. М.: Политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2017. 671 с.*

Мельтюхов М. Советско-польские войны. М.: РГБ, 2004. 460 с.

Николаев Н. И. Отечественная историография Тартуского мирного договора между Финляндией и Советской Россией // *Труды кафедры истории Нового и Новейшего времени. 2019. № 19(2). С. 192–202.*

Плат Т. Страх перед большевиками как фактор сотрудничества немцев и латышей в создании Латвийской республики в 1917–1919 годы // *Труды кафедры истории Нового и Новейшего времени. 2018. № 18(1). С. 120–133.*

Россия и Финляндия: От противостояния к миру. 1917–1920. М.: Научно-политическая книга; Политическая энциклопедия, 2017. 502 с.

Рупасов А. И., Чистиков А. Н. Советско-финляндская граница. 1918–1938 гг. Очерки истории. СПб.: Аврора, 2016. 240 с.

Смолин А. В. Советско-финские переговоры в Тарту. Первый этап 12 июня — 14 июля 1920 г. // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. 2019, № 20 /1/. С. 39–57.

Холодковский В. М. Финляндия и Советская Россия. 1918–1920. М.: Наука. 1975. 268 с.

Чичерин Г. В. Статьи и речи по вопросам международной политики. М.: Соц-экгиз, 1961. 517 с.